

ИВАН ТЕРТЫЧНЫЙ

БЕЗЫМЯННАЯ ВОДА

РАССКАЗ

1

“Что-то тут не так... Что-то тут не так...” — думал он, неторопливо шагая по низкорослым улицам старинного русского городка. Шёл он наугад, не раздумывая, сворачивая вдруг влево или вправо, или устремляясь с изрядно потрёпанной асфальтовой дороги на мягкую травку какого-нибудь тишайшего переулка. Вокруг было довольно пустынно, хотя уже наступил полдень: два-три-пять отдалённых прохожих да там-сям возникающие из ниоткуда простенькие автомашины... Шёл он наугад, но чувствовал, что движется в нужном ему направлении. И точно: слабое веяние влажного воздуха достигло его лица. Значит, где-то там, впереди Волга — великая русская река.

Извилистый путь Букину был необходим; он хотел сам, без чьих-то подсказок, понять нрав и облик старинного городка, связать их воедино, чтобы составил его цельный образ, чтобы потом в родном Воронеже он мог оглядывать его со всех сторон, вспоминать его особенные черты и чёрточки, его дневной и вечерний свет, его звуки... думать над ним.

2

Собственно, смутили его в первые минуты пребывания в городке не приоткрытое серыми облаками небо, не улицы, не их общий вид: к названному ум и душа претензий не имели. Погода в русской стороне переменчива: были

ТЕРТЫЧНЫЙ Иван Алексеевич родился в 1953 году в Курской области. Служил в армии, работал на стройках. Окончил факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. Автор книг “И было утро”, “Рядом”, “Подорожная”, “Когда-нибудь...”, “Лунный снег”, “Живая даль” и других. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

тучки или дождик, глядь, уже сияет солнышко. Бревенчатые дома и домишки хоть и приземисты, но крепки да изукрашены подзорами и наличниками. Сады кудрявы и пышны. Да и улицы — опять же — не стеснены, лежат вольно...

Смутила его с самого начала в общем-то малость: сбоку старенькой автостанции лежала куча современного мусора — пластиковые бутылки, пивные банки, пакеты из-под сока и прочая украшенная яркими пятнами этикеток и надписей бяка, — а рядом, в трёх-четырёх шагах от неё приютилась небольшая стоянка такси, где, сойдясь в кружок, неспешно перебрасывались словами водители. Истомившись от долгого пребывания в скупом пространстве автобуса по вольному воздуху, по земле, по дымящейся сигарете, Букин подошёл к извозчикам и закурил. Один из них, белолицый крепыш с покатыми плечами, молча, кивком, спросил его: “Подвезти?” Букин качнул головой: “Не надо...” — и прислушался к разговорцу. Толковали водители о строительстве деревянных домов; один говорил о срубах — бревенчатых и брусовых; другой — о качестве материала; третий вспоминал соседа (пятый год строит, а всё никак не достроит, цены-то не ползут, а скачут...). Букин осторожно вклинился в беседу, вспомнив, как строили дом его дяди (приходили мастера со своим инструментом, не бегали к хозяину или его соседу, дай, мол, фуганок или полуфуганок; были у них и топоры большие и маленькие, пилы двуручные и лучковые, долотца и стамесочки всякие...). Водители уважительно посмотрели на него, мол, помнит давние тонкости, разбирается в плотницком инструменте (хотя и не плотник, конечно, и очки в тонкой оправе, и пальцы чистенькие, белые... А какие пальцы могут быть у зубного врача?) Тут-то вот Букин и спросил у мужиков калязинских напрямик, кивнув на мусорную кучу, не тяжело ли им каждый день глядеть на эту бяку, дышать её вонью? Взяли бы в руки лопату да за десять минут всё это забросали землёй. Мужик постарше, с худощавым, побитым красными жилками лицом, спокойно ответил ему, что, мол, они когда-то засыпали всё это, а потом приехал трактор с ковшом и выкопал рядом яму, мол, давайте, продолжайте бросать, граждане пассажиры. Так-то вот... Вот в ту, кажется, минуту и посетило Букина (или выросло в нём само собой) сомнение: “Что-то тут не так...”

3

После добровольных блуканий по улицам и переулкам и твёрдого решения самому выйти к Волге он всё же сдался (видимо, подустал) и остановил вопросом загорелого слабосильного парня. Тот махнул рукой.

— Волга?.. И колокольня, наверно?.. Туда.

Улица помалу пошла под уклон; асфальт иссяк, и под ноги легла булыжная мостовая с пропеллинами истолчённого до пыли песка. Дома тут стояли посolidнее — кирпичные. Дом кушцов таких-то, дом кушцов таких-то... — читал он на памятных досках. И вот — наконец-то! — за наклонёнными ветвями давних лип и тополей появилось синее оконце. Волга! А вон и она, белая колокольня, которую он видел на цветной фотографии в журнале!

Он остановился в шагах десяти от воды; улица, казалось ему, ещё продолжала своё тихое движение, вела его... Но пешему человеку дальше ходу не было. Водная толща поглотила и продолжение улицы, и её окрестности... И высилась лишь на крошечном острове эта странная колокольня...

Букин стал жадно оглядывать водный простор Волги. Он так долго хотел увидеть его! Вода широко уходила вправо, влево, вперёд — расплывчато, грубо оформленно. У реки, подумал он, есть понятные берега, русло, камыши, рогоз, стрекозы, видимое течение. Река речёт, говорит, течёт... А это — огромный разлив влаги! Букин растерянно оглянулся, желая немедленно спросить кого-нибудь: туда ли он пришёл? Волга ли это? Но вокруг не было ни души. У кого спросишь? И тут Букин вспомнил, что в его дорожной сумке лежит путеводитель по городу, купленный в киоске на автостанции. Он взял в руки гляцевую книжицу величиной со школьную тетрадку, и на него дохнул прохладой зимний вид того самого места, где он сейчас сто-

ял. Озарённая восходом или закатом колокольня, окруженная бледным льдом... синяя полоска дальнего берега... да, эти вот две обнажённые высокие липы у дома купцов Рыжковых... только фасад не белый, как теперь, а землистого с зеленой цвета, и крыша плотно укрыта снегом... и тлеющий от заревого отсвета мезонин...

Букин оторвал взгляд от путеводителя — и вздрогнул. Перед его глазами — там, за колокольней — невесомо скользила немая громада трёхпалубного теплохода, казалось, она не касалась воды, а скользила в воздухе...

Ни звука, ни человека...

4

На небольшой, в полстранички, карте Калязина он увидел на синем пятне, обозначающем водное пространство, надпись “Угличское водохранилище”. Водоохранилище... нефтехранилище... То есть, подумал он, это хранилище воды и есть великая былинная река Волга. А ещё вверху, в правом уголке, он заметил белое пятнышко и подпись под ним — “Монастырские острова”. А левее, внизу, три строчки, набранные мелким шрифтом, гласили: “Колокольня Николаевского собора”. Это, стало быть, близ неё он сейчас стоит... А ещё он увидел два синих рукава, отходящих от водохранилища, — Пуда и Жабня. Бывшие речки, догадался он, впадавшие в реку...

5

Опомнился Букин только у моста через Жабню. Увидел синюю табличку — и остановился.

— Эх! — сказал он огорчённо и махнул рукой.

Рядом скрипнули тормоза.

— Куда надо?

Белые “жигули” с клеточками — местное такси — будто нарочно ехали за ним следом и ждали той самой минуты, когда он устало остановится и коротко задумается о чём-то.

— На кладбище!.. Кладбище какое-нибудь есть в городе?

— Есть.

Белобрысый молодой извозчик вял ему мгновенно — не улыбнулся, не пошутил, не удивился; наверное, и не такие ещё желания выказывали приезжие люди.

— Но — старинное, — уточнил Букин, захлопнув за собой дверцу. И откинулся на спинку сиденья.

— Значит, в Заречье. На Свистуху.

Вот что значит — колёса! Минут через десять он был на месте.

— Тут, — сказал парень. — Через церковные ворота войдёте... Введенская церковь это. Она у нас действующая...

То ли зелёные шатры куполов над храмом и звонницей, увенчанные голубыми маковками, знакомое ему чередование белого и красного на стенах утишили его смятение, то ли что-то другое благотворно подействовало на него, но разом успокоился, стал самим собой.

Храм не работал. Из объявления на его дверях Букин узнал, что службы проходят в другие дни. Букин, честно говоря, и не был готов к его посещению; и настрой душевный не тот, и к тому же церковь не стала для него (как для иных его родственников и знакомых) родным домом, тем очагом, к которому льнёт душа. Он и входил-то в действующие храмы будто с оглядкой какой-то и даже, стыдно признаться, с лёгкой опаской, поэтому, не огорчившись, что не может взглянуть на внутреннее убранство Введенской церкви, свернул у ступеней налево и остановился через несколько шагов у надгробия из белого мрамора. “Под сим камнем, — читал он тускло отливающие золотом слова, — погребено тело калязинского купца Ивана Егоровича Охлобыстина, скончавшегося 14 июля 1878 года на 77 году...” Уж не прадед ли он другого Охлобыстина Ивана? Того самого, что на телеэкране лет десять назад маячил частенько, чуть ли не скандально вёл себя на публике,

а потом вдруг ушёл в монахи? Сценарии писал, роли играл... И вдруг... Купеческий нрав, он такой: из края — в край... А наследственность, она и есть наследственность... И прадед, купец, видно, в конце жизни крепко о спасении души задумался да решил, кроме прочих благих деяний, поучаствовать в жизни храма, а может, и в его строительстве. (Догадка Букина в чём-то подтвердилась; как он узнал из путеводителя, церковь Введения действительно построена на средства И. Е. Охлобыстина.) Букин неторопливо обошёл кладбище, вернее, погост, поскольку над могилами возвышался храм. Про то, что такое погост и про многое другое, что его предки знали с младых ногтей, он услышал лет пять-шесть назад в одной компании летом на Дону и был ошеломлён. Его сверстники легко перемещались, бродили по дорогам и закоулкам русской истории, вспоминая то царевича Димитрия, то Ярослава Мудрого, то деяния Петра и его подручных... А он сидел, разинув рот, и не понимал, о чём это они... Вот с той поры и начался его поход в историю с напрочь забытых школьных учебников, с книг Костомарова, да Карамзина, да Ключевского... Вид давних могил, тишина успокоили его окончательно, и он, выйдя из церковных ворот, направился привычным шагом по улице, к поблескивающей воде...

На истоптанном пологом берегу он увидел мальчишку лет десяти-двенадцати в ветровке и резиновых сапогах. Тот держал обеими руками длиннее удилице и смотрел на водный простор.

Букин поставил у обрубка бревна сумку и закурил. И вдруг рыбачок медленно, а потом всё бодрее пошёл в сторону по урезу воды... Остановился. Потом двинулся в обратную сторону и закричал:

— Дядя Вася! Скорее, дядя Вася!

На его отчаянный зов тут же притопал, хлопая голенищами рыбацких сапог, доселе не видимый дядя Вася — коренастый, краснолицый, в линялой брезентовой куртке.

— Дядя Вася! Не могу вывести!

Дядя Вася, примерно ровесник Букина, перехватил удилице рыбачка, и туго натянутая леска, поблескивая, поднялась над водой. И вот дядя Вася стал неторопливо вываживать добычу на берег...

Букин подошёл к рыбакам и полюбопытствовал:

— Клюёт хорошо?

— Да вон погляди в садке! За час трёх подлещиков надёргал пацан, — заулыбался дядя Вася. — На свале хорошо берёт...

— А что такое — свал? Я не рыбак...

— За отмелью берег круто уходит вниз. Там-то и рыба...

— А почему сразу вниз?... Ну, крутой такой берег?..

— Потому что там старый город... Калязин там...

Живая картина, взбудоражившая Букина, напомнившая ему детство, его дядю, дядю Лёшу, с которым он на родной реке Воронеж ловил на летней зорьке краснощёрок и окуней, в одно мгновение разомкнулась, рассыпалась, развеялась, и Букин, потеряв ладонью коротко стриженую голову, побрёл прочь.

“Вот, вот в чём она, разгадка, — думал он, поднимаясь по улице. — И вечная мусорная куча у автостанции, и неприметные люди на улицах — Маркса, Либкнехта, Энгельса, Ленина, Кирова, Пролетарская, Революционная, Ногина, Мелиораторов и прочих, — и разбитые донельзя дороги, — всё это по отдельности не могло так смутить меня, разбить мою мечту увидеть город Калязин и реку Волгу. Да, здесь, наверное, живут добрые, скромные, трудолюбивые люди...”

Букин остановился и прикинул, как ему сократить путь к автостанции. Мимо проехал автобус, краем глаза Букин ухватил надпись на табличке за стеклом водителя: ЛЕХА.

Н-да-с...

“...люди. Да, их называют калязинцами, но можно их завтра назвать парижанами или уфимцами. У города вынули душу и погрузили её в толщу безымянной воды. И осталось на суше некое селение с остатками бывшего града. Подыми какого-нибудь калязинского деда из его могилы да сопроводи

по городу да к водной шири... Пройдётся он туда-сюда и скажет, качая головой:

— Не знаю я этого края...”

“Может, по пути заглянете в краеведческий музей? — предложил ему водитель, когда он ехал к старинному кладбищу. — Это рядом, на площади Ногина, в красивой церкви. Там, рядом с ней, пушки есть... ну, когда оборонялись от поляков”. — “А памятник защитникам там же? А улица в их честь как названа?” — встрепенулся Букин.

Парень не ответил ему; то ли не знал, то ли не хотел. Он молча опустил стекло дверцы. Прохладная струя воздуха пробежала по горячей руке Букина — и рука тихонько вздрогнула.

6

Букин перешёл на другую сторону пустынной улицы и сел на тенистую зелёную лавочку у какого-то старого дома. Вышив пакетик яблочного сока, он несильно смял его и положил в сумку. Потом, помедлив, закурил и открыл наугад путеводитель. На предпоследней странице была фотография: молодой художник писал маслом картину; он переносил кистью на холст чуть волнистую голубую воду и венчающую её белую колокольню. Букин перевёл взгляд на колонку текста и прочитал вслух:

— “Приезжие, особенно живущие в больших городах люди, отмечают, что воздух здесь мягок и душист. Близость к “большой воде” доставляет удовольствие...”

— ...а мне — боль...

И в памяти его сама собой выявилась надпись на увиденном им надгробном камне:

*Человеце яко трава
Дни его цвет
Сельный тако оцветет*

— ...а мне, дураку, — боль, — глухо повторил он.

ЗА МАРЕВОМ

РАССКАЗ

1

Что влекло его по липкому мартовскому полю и — дальше — вверх по лесному косогору?

Южный ветер раскачивал рослые берёзы, трепал их ветки и веточки, гнул и гнул тяжёлые ели, шнырял под кустами, ворошил палую листву...

В такую погоду, в таком лесу обыкновенному человеку делать нечего: нищета полная. Ни бойкого птичьего щебета, ни разноликого зелёного убранства, ни скромных цветов и цветочков у ног, ни томительного гуда шмелей... Пусто, голо, безотраднo. Если бы появился на мартовской тропе егерь или, скажем, поэт, или сочинитель серьёзной музыки, то удивляться

тут было бы нечему: для первого — это работа, а для второго и третьего — душевная повинность. Но его-то что влекло сюда, в шумящий неприглядный лес?..

2

Увидел я его впервые в малолюдном дворе строительного рынка, притулившегося к шоссе.

— Понимаешь, — взглянув на меня, сказал он, — вагонку выбираю... Чтоб посуше была да непокоробленная, да сучков чтоб поменьше. Изба-то у меня и тёплая, и крепкая, но сруб, видишь ли, из брёвен разного калибра, вот и вида у него нет. Вот и решил вагонкой обить да морилкой покрыть. Цвет “еловый лес” знаешь?

И, ещё раз взглянув на меня, протянул руку.

— Николай. Юз.

Я назвал, И уточнил:

— Юз?

— Удивился? Фамилия такая? В русской глубинке?

— Ну, да...

— Да это ещё мой дед сюда из Германии затесался!

— На родину предков не тянет?

— Смеёшься? Я же насквозь русский! Если пил, так уж пил! Если шалил, так уж шалил! А если влюбился, так уж влюбился... Живу вот двадцать четыре года душа в душу. А природа наша? Ничего другого мне не надо. Так что, думаю, одного мы с тобой роду-племени...

Потом мы ещё не раз встречались, большей частью в Северцове, селе на большой дороге, где он жил. Почему там?.. А потому, что Северцово что-то вроде столицы окрестного мира. Магазины, ларьки, автобусная остановка, средняя школа, почта волей-неволей притягивают жителей ближних деревень и лесных хуторов. Разговоры наши были недолги, но нескучны. Юз всегда при этом выглядел картинно: точёный профиль с прямым носом, приподнятый подбородок, устремлённый в пространство взгляд, рука с сигаретой чуть на отлёте... Попробуй скажи, что это мужик. И нрав, и хватка, и работа мысли, да и достойное спокойствие — извините... Меня интересовали лесная живность и прочие мелочи местной жизни. Юз много чего знал и по-маленьку, пусть и отрывочно, просвещал новожила. “Я любитель такого дела — наблюдать за всяким шевелением, — признался он. — Сидишь с удочкой, смотришь, куда это стрекоза полетела... Почему не на ту, а на эту травинку села? Лягушки опять же... Мускулы на лапах — во! Да увеличь её раз в двадцать, от такого культуриста бежать будешь, не зная куда. Распластаются на мелкой воде, лежат... Интере-е-сно!.. Да! О лягушках опять же... Прочитал в журнале: какая-то из них, в Южной Америке, сотни километров берегом реки скачет до места, где будет метать икру. Человеку-то сколько нужно идти? Полгода? Или вот лососи плывут Бог знает откуда океаном к Камчатке, к своему родному ручью, почему? Какой тут смысл? И не плутают ведь... Человек вон зашёл чуть в лес — и заблудился. Заносчив человек часто...”

3

— Ты любишь своих детей?.. И я люблю. А как я их с Людой, с женой, растил? А смотрел, наблюдал за ними, малыши ещё. Что одному больше нравится, что другому... Все трое уже выросли, и все — разные. И хорошо! Волю в детстве им, пацанам, давать надо, но — в меру. Полную дашь — потом наплачешься, крохотную — серятина выйдет, человека не увидишь. Согласен?

— Сам психологом стал? Или книжки читал какие-то?

— Сам. Оглянись хорошо — и научишься такому делу. Скажем, деревца стоят густо... Что из них вырастет? Прут вверх, высокие, хилые? Конечно. А расседи их пореже, дай веткам размах, кое-где ненужные остриги —

и дерево к дереву. Красота! Или — яблок гора, или — шишек воз. Что, я не прав?

— Философ...

— Какой я философ! Шофёр в совхозе, то бишь в агрофирме... Ты вот толково делаешь: с людьми говоришь, о птицах и зверье разным спрашиваешь. Различаешь в них разное — этим душу питаешь. А как же! От разной красоты и в тебе красоты прибавляется, жить веселее. Так, рассуди?

— Не возражишь. Всё точно.

— А то орёт: шоу, шоу... Да ты оглянись, орун, обалдуй! Крутом столько всякого разного. Бери глазами, ушами — всем хватит. А то сидят, ручки на животиках сложили, ножку на ножку закинули, хохмачей штатных слушают и на огоньки смотрят...

— Ну и строг же ты!

— Ладно-ладно, заговорил я тебя... Да и самому пора домой. Будь здоров, не чихай... на всё!

4

...Он остановился на поляне. Вытер об иссохшую траву остатки налипшей на сапоги земли с шершавыми крупинками сырого снега (вот и породнилось поле с лесом) и закурил. Ветер гулял-погуливал под неясным вечерним небом, веточками-плёточками нахлёстывал по слабосильному подлеску, потом, выдохшись, помахивал ими вяло, словно примериваясь, как бы половчее хлестнуть не единожды. Но не злость это ветра вовсе, а так... забава да и только. Будет, будет другое, когда оденутся деревья в листву и станут бережно касаться друг друга, дышать пахучей прохладой, что-то шептать, лепетать...

Он растоптал окурок, постоял, наклонив голову, и двинулся дальше, к невидимой в отдалённой низине реке.

“Колокольня вон какая, а сама церковь маленькая. Это ведь как всё точно придумали в старину: плечом к плечу, рядышком постоят люди, помолятся, потом молча на ветерок выйдут, от большого света будут щуриться, как дети... А колокольня высокая ясно почему: чтоб звон все окрест слышали и друг друга слышали”.

“В живые тайны учёным надо аккуратнее заглядывать. А то какой-нибудь из них отчаянный может пакет с недоразумениями туда кинуть... Бегаёт атеист отчаянный, суетится, в детях, говорит, о нём память останется. Но ты глаза закрыл навеки и... детей твоих нет, внуков нет, тебя нет и не было! Логику, говоришь, любишь? Так если ты уверен, что всё кончается гробовой доской, то должен тотчас нырнуть в бучило. Зачем бегать, толкаться, унижаться, благ просить? Отчаянный, зашоренный, как лошадь, сукин ты сын!..”

Я вышел на окружённую орешником поляну, где стоял тогда приуставший Юз, увидел взлохмаченные сапогами мокрые прошлогодние листья, размятый каблук до табачных волокон окурок рядом с узорчатой гривой папоротника-орляка...

Тропа через полчаса вывела меня к знакомому месту. У овражка тёмной толпой стояли невысокие сосенки. Я снял с плеча лопату и принялся откапывать одну, плотно зажатую сёстрами. Зачем тебе, милая, тесниться да маяться? Будешь жить недалече от моего крыльца. Хочешь — спеши вверх, хочешь — раздавайся, подрастая, во все стороны. Будет тебе воля. И, кроме прочего, — новый смысл: украшать собою малое пустоватое пространство.

“...вон как трассы поналадили! Даже веточки, смотрю, подрезали, чтоб не царапались... Угнали на снегоходах стадо кабанов неведомо куда. Только вот эти свежие — секача — следы...”

Опираясь на длинный черенок лопаты, я влез на чёрный валун, что лежит от века на ополье, и всмотрелся в даль. Там, по-над серой кустарниковой неразберихой речной поймы, будто нарисованная, стояла деревенька. Каждая изба видна, каждый огород на косогоре, каждая тропинка к реке — стеклянно-мутной — как на ладони. Летом этой чистой картины уже не увидишь. Маревы, пышные купы вётел, осинника, ольшаника всё затуманят, занавесят...

— Ты вот, помнишь, говорил, что я шибко умный. Какой я умный! Это ноги у меня умные: что-то не заладилось, не так что-то, подхватывают они меня и несут мою глупую голову — то в лес, то к реке — проветриваться... А так... Зачем я, к примеру, потакнул племяннику Серёжке? Слышал от него как-то, что, мол, мотоцикл ему уже не то... Давай, говорю Юре, брату, машинку ему купим недорогую; деньжонок подбросил на это дело. Полгода гонял парень, радостный весь... А прошлой весной, в гололедицу, закружило его “Ладу” на дороге у Пилатово, и врезался он во встречный автобус... Все, кто был с ним, живы остались, а он теперь там — вон, видишь? — на погосте. Он в армию собирался идти, девчонка хорошая была, а вышло худо... Выходит, я жизнь племянника дорогого как-то подкоротил...

— А ты ли?.. Случай.

— Да-а... Все всё валим на случай, на кого-то, а сами в сторонке. Чистенькие.

5

Рядом со мной на обочине притормаживает вишнёвая “Нива”. Пыль скорым длинным облачком летит вперёд...

— Садись, подвезу!

Дверца с моей стороны уже приветливо приоткрыта. Юз, пригнувшись, машет рукой, улыбается.

— С автобуса?

— С него.

— А ты откуда?

— Тоже из города. Домой еду.

— Ну и как живёшь?

— Хорошо живу!

— А смыслы продолжаешь искать?

— А как же без того? Надо успеть осмотреться и, может, кое-чего познать... Я вот, к примеру, на белом свете первый и последний раз живу. А ты?..

— Я?..